

АКТУАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

А.Н. ПОДДЬЯКОВ

Поддьяков Александр Николаевич — заместитель декана факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук.

Области научных интересов: исследовательское поведение, мышление и творчество человека, психология решения комплексных задач, психология экономического поведения, обучение и развитие. Имеет более 100 научных публикаций. Информация о его исследованиях представлена в издании «Who's who in science and engineering» (2005–2006). Член редколлегий журналов «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Исследовательская работа школьников», «Mathematical thinking and learning». Член Международного общества изучения развития поведения (ISSBD).

Контакты: alpod@gol.ru

Резюме

Раскрывается положение о том, что одна из сквозных и принципиальных тем, разрабатывавшихся В.Н. Дружининым на разных уровнях, — тема актуализации и развития созидательных и деструктивных человеческих возможностей, а также факторов, влияющих на потенциал человека. С этой точки зрения рассматриваются подходы В.Н. Дружинина к психодиагностике и к разработке оригинальной авторской теории экзистенциальной психологии как синтезу когнитивного и нравственного измерения человека.

Одна из сквозных, принципиальных тем, разрабатываемых В.Н. Дружининым на разных уровнях, — тема актуализации и развития человеческих возможностей, созидательных и деструктивных, а также факторов, влияющих на потенциал человека. Изучение этих вопросов он вел в различных областях, начиная с психодиагностики и кончая оригинальной авторской теорией экзистенциальной психологии. От блестящих по своему оригинальному замыслу и реализации экспериментов, которые

надо включать в хрестоматии по экспериментальной психологии, он последовательно переходил в одном и том же тексте к философской рефлексии человеческой сущности с четким обозначением нравственной позиции. Центральным в этой позиции было абсолютное, бескомпромиссное неприятие того, что в одной из последних работ («Очерки экзистенциальной психологии») он назвал «борьба жизни против жизни». Это неприятие агрессивности, жестокости, манипуляции сознанием.

¹Работа поддержана РФНФ, грант № 04-06-00274а.

Тем самым в работах В.Н. Дружинина дается фундаментальный синтез когнитивного и нравственного измерений человека, понимание динамики и драматических сплетений этих измерений.

В данной статье мы рассмотрим с этой точки зрения такие, казалось бы, далекие друг от друга области, анализируемые В.Н. Дружининым, как психодиагностика и экзистенциальная психология.

Психодиагностика

Значительная часть теоретических и эмпирических исследований В.Н. Дружинина была посвящена диагностике интеллекта и творчества (креативности) и изучению взаимосвязей между ними. Один из установленных им принципиально важных эмпирических фактов состоит в следующем. При психодиагностике в ряде случаев имеет место «реципрокная зависимость: актуализация одной способности препятствует актуализации другой» (Дружинин, 2001, с. 17). Например, если провести тестирование креативности, а вслед за ним — тестирование интеллекта, то результаты испытуемых по тесту интеллекта оказываются ниже, чем без предварительного тестирования креативности (и наоборот).

Таким образом, эти психодиагностические тесты взаимодействуют, подавляя друг друга, а не синергически стимулируя. Печальная ирония состоит в том, что речь идет об интеллекте и креативности, диагностика которых должна быть по идее направлена, на максимальное раскрытие сущностного человеческого потенциала.

Анализируя эти и другие эмпирические и теоретические данные, В.Н. Дружинин показал, что одним из важнейших критериев сравнения тестов интеллекта и тестов креативности является положение теста на условной шкале регламентированности/свободы поведения испытуемого в ходе тестирования. Тесты интеллекта в основном диагностируют познавательные способности, активизирующиеся в условиях жесткой и однозначной регламентации условий деятельности. А тесты креативности диагностируют познавательные способности, активизирующиеся в условиях свободы и отсутствия ограничений. Чем больше свободы деятельности допускает тест, тем ближе он к идеальному тесту креативности. Чем жестче и однозначнее регламентирует тест условия задачи и требования к деятельности (например, способ выполнения, время, затрачиваемое на решение, и т. д.), тем ближе он к идеальному тесту интеллекта (Дружинин, 1995, с. 123). В целом ситуации тестирования, «благоприятствующие проявлению интеллекта, противоположны по своим характеристикам тем ситуациям, в которых проявляется креативность» (Дружинин, 2001, с. 113).

Важным достижением является то, что В.Н. Дружинин ввел понятие «идеального» (абсолютно выраженного) тестируемого качества и «идеального субъекта», полностью воплощающего это качество. На основе анализа тестов интеллекта он пришел к выводу, что в них заложено следующее операциональное определение интеллекта. «Идеальный интеллект» (субъект, обладающий

«идеальным интеллектом») — это человек, способный правильно и в одиночку решить в уме без внешних поведенческих проб задачу произвольно большой сложности за бесконечно малое время, невзирая на внутренние и внешние помехи (Дружинин, 1995, с. 19). Со своей стороны добавим: «...задачу, изобретенную, корректно сформулированную и предварительно решенную другим человеком», поскольку в большинстве тестов интеллекта используются именно такие задачи.

Развивая эти идеи В.Н. Дружинина, мы сформулировали операциональные определения идеального креатива и идеального исследователя.

«Идеальный креатив» на основе анализа тестов креативности может быть определен следующим образом. Это человек, который способен при решении задачи, сформулированной другим человеком (часто сформулированной нечетко), придумать большое (в пределе — бесконечно большое) количество решений, которые, по мнению постановщика задачи, максимально отличаются друг от друга и от предложенных другими испытуемыми.

Что касается тестов исследовательского поведения, то на основе их анализа мы можем дать следующее операциональное определение. «Идеальный исследователь» — это человек, способный к добыванию максимально большого объема информации от исследуемого объекта в ходе реального взаимодействия с ним благодаря самостоятельной постановке разнообразных исследовательских целей и качественного и количественного разнообразия (в пределе —

бесконечного) внешних поведенческих проб (Поддьяков, 2000).

Итак, в операциональные определения идеальных интеллектуала, креатива и исследователя заложены, с одной стороны, взаимодополняющие, а с другой — в чем-то противоречащие друг другу представления об идеальном субъекте познавательной деятельности. Лишь одно из этих противоречий состоит в том, что человек, способный ставить задачи самостоятельно, может быть вовсе не склонен к тому, чтобы стремиться понять и решить задачи, поставленные другим человеком, да еще получив тот результат, который постановщику заранее известен.

Существенные различия операциональных определений — одна их причин нулевых и даже значимых отрицательных корреляций между соответствующими тестами.

При этом в реальной познавательной деятельности интеллект, креативность, исследовательские способности образуют единство. Е.П. Торренс писал: «Я настаиваю, что интеллект и креативность — это взаимодействующие или частично перекрывающиеся друг друга переменные и что попытки их насильственных четких различений создали бы картину ложных различий, не существующих в реальной жизни» (Torrance, 1980, p. 8).

Действительно, хорошее исследование всегда интеллектуально и креативно, а истинно творческая деятельность всегда включает исследовательские компоненты. Для этих трех групп способностей справедливо общее положение В.Д. Шадрикова: «Существует один интеллект, но внутри единства, в зависимости от различных

условий, в которых совершается мыслительный процесс, дифференцируются типы мыслительных операций, характер их протекания» (Шадриков, 2004, с. 134).

Специфика же вышеописанных тестов как инструментов диагностики познавательных способностей состоит в том, что каждый из них претендует на актуализацию и измерение только своего фрагмента (если не сказать «обрубка») познавательной деятельности. Здесь работает методологическое положение Ф.Е. Василюка: «...основная функция экспериментального метода в научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции. Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удается, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически» (Василюк, 2003, с. 86–87).

С нашей точки зрения, еще одна существенная причина отрицательных корреляций и интерферирующих взаимодействий между тестами кроется не только в осознанном или бессознательном намерении исследователей «отсечь» все, что не является предметом изучения, и оставить один-единственный «обрубок», предназначенный для исследования. Мы считаем, что существует общий методологический закон исследования сложных динамических систем, к которым, безусловно, относится и психика. Он развивает принцип неопределенности, который был сформулирован в физике: в ходе измерения

невозможно определить и координату, и скорость микрочастицы. Более общий методологический закон гласит: *из-за множественных положительных и отрицательных связей, существующих в сложной динамической системе, любой метод, раскрывающий одни ее характеристики, будет неизбежно скрывать, подавлять и деформировать другие ее существенные характеристики.* Универсальный метод исследования, который пригоден только для раскрытия характеристики сложной системы, ничему при этом не мешая, невозможен.

Интерференция тестов способностей имеет как теоретическое, так и практическое значение. Она означает относительность получаемых оценок тестирования, возможность систематических ошибок диагностики познавательного развития, а также открывает возможности преднамеренной манипуляции.

Среди других результатов, полученных В.Н. Дружининым, мы считаем необходимым упомянуть в данной статье принципиально важное, обособленное эмпирически и теоретически положение о том, что высокоразвитые личности в среднем хуже прочих испытуемых решают задачи на репродуктивное мышление, в том числе задачи тестов интеллекта, а также разработанный В.Н. Дружининым ситуативный подход к диагностике способностей и типологию ситуаций психодиагностики по критериям добровольности — вынужденности вхождения в ситуацию диагностики и самостоятельности — навязанности выбора дальнейшего жизненного поведения. Свои методологические положения о сущности

интеллекта и творчества В.Н. Дружинин применял при анализе реальной ситуации общественного развития в нашей стране, показывая ее драматизм, напряженность и потенциальную опасность некоторых возможных вариантов ее развертывания (см. главы «Интеллект и структура общества», «Судьба интеллекта в России» в его книге «Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие»).

Экзистенциальная психология

В своей концепции экзистенциальной психологии В.Н. Дружинин дает типологию психологических вариантов жизни, уделяя основное внимание противопоставлению: а) построения жизненного пути как созидательного творчества и б) «борьбы против жизни». Фактически он анализирует сферу явлений, которые ирландский психолог К. Бенсон называет развертыванием непредсказуемой креативности человеческих Я, старающихся расширять и сужать пространство возможного друг для друга и изобретающих все новые орудия добра и зла (Benson, 2001). Но в отличие от К. Бенсона общий прогноз В.Н. Дружинина трагичен. К. Бенсон высказывает очень осторожный оптимизм: он считает, что представления об отвратительности преднамеренно причиняемых страданий очень медленно и постепенно получают все большее распространение. В.Н. Дружинин же считал, что «жизнь против жизни», жестокость и насилие в самых разных формах — от убийств, физических пыток и издевательств до организации компьютерных вирусных атак — представля-

ют собой лавинообразный процесс, «развивающийся по принципу положительной обратной связи и захватывающий в себя все новые и новые поколения, народы, страны», «сметающий нас с лица Земли» (Дружинин, 2000, с. 127).

Со своей стороны, мы считаем, что следует согласиться с Ф.Т. Михайловым (1998): добро и зло (культура и антикультура) навеки переплетены и слиты, и каждый общекультурный канон несет и возрождает в себе и высшие ценности добра, и их отрицание. Развитие цивилизации, отдельных обществ и личностей осуществляется под влиянием двух противоположных и взаимосвязанных направлений социальных воздействий: а) стимуляции; б) противодействия психическому развитию (исследовательскому поведению, обучению, творчеству и т. д.) (Поддьяков, 1999; 2000; 2002). Противодействие развитию оправданно и обоснованно (с точки зрения противостоящих субъектов) в случае необходимости ограничить или предотвратить порождение, передачу и использование опасного, неадекватного и т. п. опыта. Оно не может быть оправдано в случае осуществления антигуманных целей.

В целом помощь и противодействие должны быть осмыслены как два взаимосвязанных типа социального взаимодействия, по-разному изменяющих направление развития. Помощь имеет тенденцию изменять направление развития заранее предусмотренным (желательным для помогающего, выбранным им) образом. Противодействие имеет сильную тенденцию изменять направление развития непредсказуемым образом (Поддьяков, 1999; 2000).

Отношение к другому человеку и отношение к теории самоактуализации

Вероятно, не случайно и В.Н. Дружинин, и К. Бенсон приходят независимо друг от друга к необходимости детального критического анализа одной из теорий гуманистической психологии — теории самоактуализирующейся личности. Так, В.Н. Дружинин писал: «Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой "положительных" черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. [Он освободил себя "от такой химеры, как совесть". Ну и мерзавец этот самоактуализирующийся человек!]

К. Бенсон показывает этноцентризм концепции самоактуализирующейся личности и скрытые аморальные последствия ее использования в культурах, отличных от западной. Его вывод: «Это акультурная, антиисторическая психология в полном самоуверенности полете под камуфляжем исторических ссылок» (Ben-son, 2001, p. 227).

В.Н. Дружинин и К. Бенсон не одиноки в своей критике. Б.С. Братусь считает, что гуманистическая психология, несмотря на свое название, внеморальна — это «психология самости как самоцели человека» (Братусь, 1997, с. 12). Ссылаясь на мнение В. Франкла, он подчеркива-

ет, что «самоактуализация, направленная на самое себя, означает промах в главном», поскольку «центральной, смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку» (там же, с. 8).

Я крайне далек от того, чтобы считать основоположников гуманистической психологии (Маслоу, Роджерса и др.) этно- и эгоцентриками, свободными от совести и пытающимися навязать другим свой образ мира и человека. Но из любой теоретической модели (в том числе гуманистической модели самоактуализирующейся личности) могут вытекать закономерные следствия, не очевидные для ее авторов и, возможно, даже неприемлемые для них. Я думаю, что не случайно вышеприведенная критика теории самоактуализации исходит от ученых, проживших значительную часть жизни в странах, где, с одной стороны, сильны идеалы гуманизма, а с другой — имеется тяжелый опыт терроризма, массовых репрессий и т. п. — Германии, Ирландии, России. Что-то мешает этим авторам высоко оценивать самоактуализирующихся людей — абсолютно психически здоровых, с хорошо функционирующими психическими механизмами, но личностно больных, если использовать терминологию Б.С. Братуся и избегать резких оценок В.Н. Дружинина.

В.Н. Дружинин писал: «Три роли достойны человека: роли спасателя, защитника и созидателя. Созидатель, конструктор, рабочий, художник, ученый, ученик и учитель, мать

и отец, друг и подруга — они воспроизводят и обновляют жизнь. Защитник, полицейский, солдат, пожарный и сторож защищают жизнь от внешних угроз. Спасатель, врач, психолог, священник продлевают физическую и духовную жизнь. В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования единственный смысл индивидуального бытия не является иллюзорным: продолжение жизни человечества.

Только продолжение нашей духовной жизни в других — в детях, учениках, любимых — дает шанс, что память о нас уцелеет. Ибо нельзя после смерти заставить людей вспоминать себя добрым словом» (Дружинин, 2000, с. 133–134). Представляется, что В.Н. Дружинин выполнял все три названные им роли, а его идеи продолжают духовную жизнь в работах его учеников, единомышленников, последователей.

Литература

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии 1997. № 5. С. 3–19.

Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.

Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2000.

Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001.

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна, Вита, 1995.

Михайлов Ф.Т. Аксиомы педагогики. // Философские исследования. 1998. № 4. С. 5–39.

Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. Электр. версия: <http://www.researcher.ru/methodics>.

Поддьяков А.Н. Ориентировочная и дезориентирующая основы деятельно-

сти: иерархии целей обучения в конфликтующих системах // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 79–89.

Поддьяков А.Н. Решение комплексных проблем в неклассической парадигме // Российская психология сегодня: возврат к методологии / Под ред. А.В. Юревича (в печати).

Поддьяков А.Н. Философия образования: проблема противодействия // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 119–128.

Шадриков В.Д. Способности и интеллект человека. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2004.

Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. L.; N.Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.

Torrance E.P. Creative intelligence and «an agenda for the 80's» // Art education. 1980. Vol. 33 (7). P. 8–14.